

Что видел — расскажи другим...

Травда, 1986. — 23 июня. — С. 3.

ЗАМЕТКИ КИНОРЕЖИССЕРА

Кто был в Туркмении, знает о примечательном обычае приветствия в нашем крае. Обменявшись традиционным «Салам!», жои земляки переходят к устоявшемуся за века ритуалу неспешных распросов. С подкупающей искренностью поинтересуются они у собеседника здоровьем старших и младших, узнают о домашних новостях. Не успокоятся, пока не дойдут до жизни — коня, верблюда...

Идет традиция издалека, когда редкая встреча людей, живущих в песках за сотни километров друг от друга, была поистине праздником человеческого общения.

Почему, решив повести речь о том, что меня волнует в сегодняшнем кинематографе, я начал с этой дорогой моему сердцу традиции туркменского народа? Как солнце в капле воды, видится мне в ней глубинная сущность процесса взаимодействия и взаимообогащения братских культур советского многонационального государства.

Можно с уверенностью сказать: нигде нет такого бережного отношения к национальным культурам народов, как у нас, нигде нет такого их тесного содружества. В этой области у нас накоплен богатейший опыт. И все же преждевременно было бы считать, что свой долг — способствовать интернациональному сближению советских людей — искусство выполняет полностью.

Тревожит, что сегодня у нас есть немало режиссеров и даже студии, утратившие свое творческое лицо и самобытность, растерявшие художественные традиции своей земли. Немало фильмов, где все предстает как бы в узком плоскостном срезе, без осмысления истории, памяти, характера своего народа. Кое-где, поддавшись внешним эффектам, в

ущерб истинно национальному кино переключились на экранизацию западных детективов, создание боевиков чуть ли не под «вестерн». Они динамичны, в них достаточно погоня и пальбы, привлекательных для некоторой части аудитории. И все же зрительский успех, добытый таким путем, недорого стоит. Больше того, он неминуемо обернется расплатой за невнимание к жизни своего народа.

Для студии нашей республики магистральная тема — жизнь Туркмении, отраженная в ее прошлом, настоящем и будущем. В одних фильмах показать ее удастся больше, в других — меньше. Но сворачивать с этого пути мы не собираемся, отдавая себе отчет в том, что всякого рода «завлекаловки» дискредитируют нас как летописцев своего народа. Это не означает пренебрежения к борьбе за зрителя. Напротив! Надо стремиться, чтобы именно такие фильмы дошли до многомиллионной аудитории, оставили след в сознании современников, повлияли на нравственный климат общества.

Конечно, дело в таланте художника. Но в не меньшей степени и в организации творческого процесса в кинематографе, отношении к новаторскому взгляду художника. Признаюсь, порой мне кажется, что существующая здесь система пока служит для «штрафования» создателей фильма за поиск, отход от стереотипов.

Как изнуряют, а порой и унижают десятки утрясок и утверждений, режущих по живому. Как, прямо скажем, раздражает мелочная опека и придирки, не имеющие отношения к искусству! Или ситуация, когда сценарию, подобно мичуринской яблоне, каждый норовит «привить» свой черенок, прирастить свое решение, точнее, подсказку, не несущую никакой сопряча-

стности идее автора. Но если в ботанике этот процесс может стать органичным, то в творчестве отторжение инородных тканей неизбежно. Давно пора бы уяснить: споров не вызывает лишь серое, безликое произведение. Талант же — всегда разведчик нового, непривычного, а новое нередко режет слух и колет глаз.

Не могу без горечи вспоминать время, когда иные руководители буквально в негодование приходили, видя в туркменских фильмах пески пустыни. Мерещилось это им чуть ли не олицетворением вековой отсталости, которую не дай бог «тащить на экран». А между тем Каракумы, как ни выстригай их из пленки, занимают четыре пятых территории Туркмении...

Привычка к парадоксу привела к тому, что десятилетиями мы снимали для хроники фасады одних и тех же зданий «покарасивше». Только курсы менялись. Сказалась характерная для недавних лет общая тенденция выдавать желаемое за действительное. В итоге мы практически остались без достоверной документальной кинолетописи новых, да и старых городов республики, хозяйственного освоения пустыни. Не с чем сопоставить сегодняшний социальный облик Туркмении, неузнаваемо преобразившейся опять-таки благодаря дружеской интернациональной помощи братских народов, нечего оставить потомкам.

В известной мере все это стало зеркалом негативных тенденций и застойных явлений, проявившихся в нашем обществе. Сейчас, после партийного съезда, все ошутимее отрадны перемены, необыкновенно плодотворные для художника. Они дают стимул смелее отходить от штампов, глубже вторгаться в действи-

тельность, осмысляя подчас противоречивые, «неудобные» ее явления и грани.

Говоря о перестройке творческого мышления, надо поговорить и о перестройке организации всего кинодела, где все еще немало волокиты, крючкотворства, ведомственности, устаревших взглядов и способов работы. Особенно беспокоит прокат.

Не строю иллюзий: при сложившемся положении, когда у нас, как ни печально, появилось немало потребителей низкопробных кинодейств, отнюдь не каждому даже хорошему фильму братской республики суждена счастливая судьба в союзном прокате. Срабатывает инерция незнания, неприобценности зрителя к национальному кинематографу. И все же работу эту надо вести — планомерно, широко, с настойчивостью и деликатностью одновременно. Возможные же финансовые издержки окупятся идеологической важностью дела.

Горький парадокс: в каждый фильм вкладываются огромные народные средства, труд, духовная энергия людей десятков кинематографических профессий, которые, между прочим, учились этому в вузе. А в итоге судьба картины в кинопрокате вершат, как правило, люди без специального образования и творческих качеств, а то и просто-напросто случайные. Именно в эту плоскость — кадров, «человеческого фактора» надо наконец переводить навязший у всех в зубах разговор о кинопрокате.

Увы, нам нечего рассчитывать на понимание проката, его встречный интерес к серьезному и умному фильму, пока там работают неподготовленные, далекие от искусства люди, не имеющие душевного призвания к этому хлопотному делу. Кого только

не встретишь в дирекциях кинотеатров нашей республики — да, думаю, не только нашей. Агрономы, бытовики, коммуналники... А сколько таких, кто подался в кинофикаторы, завалив дело на другом участке! С подобной практикой надо кончать. Общедоступность кино как искусства не означает общедоступности его как сферы деятельности. Пора нам наконец осознать, что кинопрокатчик — это доверенное лицо художника перед зрителем и, как каждый работник идеологического фронта, нуждается в соответствующем квалификационном статусе.

Коснусь пресловутого вала. Пока что он определяет деятельность проката. Много говорится и пишется о неразумности такого подхода, когда процесс духовного воздействия на человека комкается в угоду показателям. Воз же и ныне там.

У нас в республике плановые проценты, как говорится, давно и стабильно «в ажуре», что само по себе, конечно, хорошо. Печально другое: эти цифры «сделаны» в основном на слезливых мелодрамах с песнями, шикарными интерьерами и экзотическими видами. Увлечение зрителя, особенно сельского, подобными заграничными киноподелками приобрело размеры стихийного бедствия. В то же время тщетно искать в афише картины «Туркменфильма».

С грустью приходится говорить: процент зрителей, посмотревших работы нашей студии, в Туркмении значительно ниже, чем в других республиках. А ведь мы за последние годы с всесоюзных и международных кинофестивалей не раз возвращались с наградами. Но что должны чувствовать, скажем, авторы фильма «Мужское воспита-

ние», получившего Государственную премию СССР и золотые медали четырех международных киносмотров, если его толком не увидели и не оценили зрители дома, в Туркмении.

Сразу скажу: ссылка на «некассовость» туркменских фильмов не состоятельна. Недавно с художественной лентой «Бастион», отнесенной союзным прокатом к разряду некассовых, мы сумели поработать так, что в самой малонаселенной Красноводской области за месяц его посмотрело зрителей больше, чем за год во всей республике.

Вывод один: самотеку, безмятежному ожиданию «милости от природы» надо противопоставить инициативность, деловитость. Сотрудничество с бюро пропаганды киноискусства — вот неиспользованный резерв кинопрокатчиков. Организуемые им творческие встречи с кинематографистами не только притягательны для зрителя, но и всегда доходны. Однако кинопрокатчики с большой неохотой идут на подобные контакты, видимо, не желая создавать себе лишних забот. Смешно сказать: за год в республиканское отделение бюро со всей Туркмении поступают одна-две заявки на встречи. Так искренни ли кинопрокатчики, сетуя на то, что с туркменскими фильмами трудно работать?

Отчасти их спокойствие объяснимо: система «вала» все грехи покроет. Характерно, кстати, что до недавнего времени представители проката в один голос заявляли: советские фильмы не собирают зрителей. Однако сразу после введения новой системы премирования стали бодро декламировать, что именно отечественные ленты составляют 70—90 процентов от показанных. Очень бы хотелось верить этой арифметике, да, наверное, все же нельзя...

Мне кажется, мы закрываем глаза и на то, что получив-

шие распространение договоры с хозяйствами, организациями на обслуживание по безналичному расчету (если речь идет не о чабанах на отгонных пастбищах) — это по сути оплаченная на год вперед бездеятельность кинопрокатчиков, гарантия их безбедной жизни.

У нас в республике определенная часть киномехаников прямо-таки развращена бесконтрольностью и бездельем. На селе, например, получая полную зарплату, они работают полтора-два часа — столько, сколько идет сеанс. Будки таких горе-работников завалены рулонами афиш и реклам, которые никто и никогда не увидит, аппаратура в ужасном состоянии.

А удобно ли нашему зрителю в кинотеатре? Далеко не всегда. В настоящий бич превратилась непродуманность, а зачастую и отсутствие системы кондиционирования воздуха, хотя в Туркмении, где жара длится полгода, это главное условие комфорта. А кое-где в сельских кинотеатрах даже стульев вдвое меньше необходимого. Идя, скажем, на встречу с деятелями кино, каждый прихватывает для себя кошму из дома.

...У нас в Туркмении говорят: «Что ты ел-пил — то твое, что ты видел — рассказы другим». Экран дает возможность увидеть нам то, что в разных концах нашей многонациональной страны, всей земли увидели глаза тысяч кинообъективов. Кино как никакое другое искусство позволяет проникнуться «чувством семьи единой». В наших силах сделать его еще более действенным общим помощником.

Ходжакули НАРЛИЕВ.

Кинорежиссер, лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии Туркменской ССР имени Махтумкули.